

**Волков А.Г.
ПРОФАНАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ**

Актуальность исследования демократии находит свое выражение в публикациях посвященных самым различным проблемам социальной философии [1; 2; 3; 7]. В то же время, недостаточно рассмотрены предпосылки и последствия ее искажения. Без сомнения, что демократия – это наиболее совершенная форма общественного устройства, позволяющая осуществить господство общества над государственными институтами власти. В то же время в реальной политической практике встречаются ее искажения. В первую очередь обращает на себя внимание феномен профанации демократии. Профанация включает в себя искажение, осквернение чего-либо, например идеи, учения,

точки зрения, теории и проч. Профанация демократии проявляется в том, что она осуществляется не как воплощение ее сущности, а только как видимость или поверхность. Рассмотрим составляющие демократии именно как поверхности.

Поверхностная демократия – это видимость народовластия. Демократия профана блистает мнимой положительностью и обманывает своим совершенством. Завороженный этой положительностью, доверчивый и некритичный человек, вдохновленный широкими перспективами, попадает в зависимость от образа подчинения власти народу. К ним относятся широкие массы, которые готовы отстаивать идеалы демократии. Однако следует иметь в виду, что в рамках реальной демократии осуществление власти предполагает наличие полноты полномочий отдельно взятого индивида и его возможность участвовать в управлении, тогда институции власти – только оболочка, назначение которой состоит в экспликации сущности человека. На поверхности демократии подмена индивида на институции почти незаметна. Но в этом случае полнота полномочий оказывается мистификацией. Я – это только голос страдающего в неустроенности и обреченности, возникающей как следствие тотальной зависимости от власти.

Об опасности пребывания на поверхности в познании бытия предупреждали философы Античности. Согласно Платону, воспринимаемое чувствами – только тени вещей. Поверхность – это только тень социальной субъективности, однако ее яркость становится причиной того, что она признается в качестве подлинной. Поверхность – это то, что непосредственно бросается в глаза, принимается как очевидное и не вызывающее сомнений, как то, что само собой разумеется. Мышление, основывающееся на чувственном восприятии конкретного политического субъекта – это оперирование поверхностью социальной реальности. И только немногие могут стать на путь подвижничества, отказаться от поверхности и увидеть сущность, которую можно разглядеть, только подвергнув реальность критическому рассмотрению в уме. Для того чтобы избавиться от поверхностей демократии, необходимо рассмотреть их как феномены, и тогда померкнет их фальшивый блеск. Только в этом случае можно приблизиться к ее сущности. Следует иметь в виду, что каждый из составляющих демократии может быть поверхностью, поэтому необходимо рассмотреть их отдельно.

Законность. Известно, что закон имеет две сферы – это разрешение и ограничение. Подлинная демократия возможна, когда первая сфера определяет вторую. В этом случае ограничение является предпосылкой осуществления самости политического субъекта. Это становится предпосылкой снятия тотальной вседозволенности, в которую входит и свобода деструкции. Именно тогда становится возможной реализация главного предназначения закона – предельного расширения и упрочения горизонта осуществления. Для полноты наслаждения властью необходимо обратное: сфера закона должна быть настолько узкой, чтобы затрудняла подчинение. В случае если же кто-либо нарушил эту черту самовольно, то объявляется преступником и должен быть покаран со всей строгостью. Тогда для смягчения закона необходимо обратиться к Чиновнику, который милостиво даст санкцию. Таким образом, Чиновник произвольным образом принимает участие в изменении границы сферы закона. Законы подобного типа возможны тогда, когда демократия – только поверхность. Однако при этом создается впечатление, что подавление является главным предназначением закона, а, следовательно, и государства. Вспомним в этой связи работы В. Кропоткина, в которых он доказывает необходимость разрушения государства, которое может быть только репрессивным органом [4]. В данном случае осуществляется глобальная профанация, которая незаметна на первый взгляд.

Профанация закона наступает тогда, когда представители институтов власти делают его настолько жестоким, чтобы обладать преимуществами при ослаблении. В этом и состоят сущностные истоки коррумпированности власти. Становится понятным, что поверхность закона – это подавление экспликации субъекта. Равенство перед таким законом порождает тотальное унижение. Жестокость при этом приобретает абсолютную анонимность: никто конкретно не виновен в жестокости самого закона, поскольку он результат всеобщего заблуждения. Наличие всеобщей укорененности в заблуждении не позволяет от него отказаться. При этом жестокость закона рассматривается как социальная необходимость, следовательно, воплощение справедливости. Обманчивость такого закона завораживает и вселяет надежду, поскольку в требовании наказания имплицитно заданы перспективы будущего. Итак, налицо парадокс: причиной санкционирования жестокости закона являются представления о гуманности. Парадоксальность человеколюбия в осуществлении равенства перед законом поражает своей невероятностью. Но именно невероятность такой метаморфозы не позволяет усомниться в правильности закона. И поэтому жесточайшие законы фактически невозможно отменить. Этот род абсурда был выявлен Ф Ницше. Он отмечает, что жестокие законы могут создать только добрые, для которых необходимость заботы о далеком оправдывает уничтожение, унижение и т. д. [5]. Позиция доброты при принятии жестоких законов один из самых распространенных ситуаций абсурда, характерных для политической жизни.

Свобода слова. Профанацию демократии может вызвать постулирование свободы как абсолюта, по-

рождающей хаос, следовательно, незащищенность политического субъекта. В этом случае свобода слова является только поверхностью. Ослепленные возможностью свободно высказывать свои мнения, массы не осознают, что демократия не только манифестация себя, но и это свобода осуществления. Массы доволны, что каждый имеет право высказываться и участвовать в обсуждении любой проблемы. Каждый может подать свой голос, однако не имеет самого главного – быть услышанным, поскольку свобода слова – это только возможность провозглашения себя. Завораживает свобода говорить во весь голос о том, что вызывает сомнение и осуждать. Но голос страдающего никто не слышит и не собирается исполнять сказанное, поскольку говорящий пребывает только на поверхности демократии. Услышанность не входит в институт свободы слова. Тем более что говорящий не несет ответственности за сказанное, поскольку он только провозглашает, но не обязывает. Но свобода слова без обязанностей предполагает политическую деструкцию, поскольку не всякое слово является созидающим. Поэтому тотальная свобода слова – это анархия, включающая в себя незащищенность от зла. При тотальной свободе самые жесточайшие требования вводятся на основании необходимости соблюдения принципа равенства. Итак, свобода слова может быть только поверхностью демократии. Поверхность, которая завораживает иллюзией полноты воплощения самости. Поэтому средством освобождения от ужасов тотальной свободы выступает авторитаризм. Требование сильной руки исходит из необходимости предотвратить политическую катастрофу.

Свобода конкуренции. Она предполагает часто несправедливое унижение, поскольку фортуна – единственный судья, который определяет победителей и поверженных. Вычеркивается созидающий во имя всеобщего блага, а результаты его деятельности ставятся под сомнение. Кроме того, вещь как вознаграждение за успех, разрастаясь до масштабов огромного богатства, подавляет владельца мощью, которая возносит его на вершины превосходства над другими. Решение проблемы состоит в том, что богатство приобретает актуальность только по отношению к тому, кто не может быть его источником, и только в этом случае проявляется его величие. Оно может стать подлинным, если будет свидетельством милосердия, то есть, использоваться тем, кто в нем нуждается. Между тем как подлинная сущность богатства ускользает от собственников, для которых его возникновение является результатом участия в гонке на выживание, поэтому победители, как это ни странно для них, получают фальшивый приз. Тем самым победы над конкурентами оказываются только блужданием на поверхности демократии и приводят к ее профанации.

Принцип большинства как поверхность выступает гарантией господства всеобщих желаний, при этом, несмотря на позитивность, его исполнение может быть причиной разрушения политического субъекта. Главным из желаний большинства является желание возрастания. Когда оно имеет границы пределы политического субъекта, оно является только импульсом самосозидания или со-творчества. Но наступает время, когда политический субъект перерастает самого себя, и тогда желание требует абсолютизации самости. Желание побуждает использовать другого политического субъекта как вещь. Такое желание уже опасно для другого субъекта, поскольку последний выступает в качестве объекта. Безусловно, что данный способ осуществления желания противоречит сущности человека, в то же время, он оправдывается, поскольку именно является основой благосостояния господствующего политического субъекта. Желание обладания порождает агрессию. Это не агрессия, которая возникает в результате осознания необходимости защищать самого себя. В этой агрессии отсутствует позитивное основание, поскольку ее истоками является принцип пользы для самого себя. Примером агрессии может выступать подвиг, который имеет место тогда, когда вероятность победы почти отсутствует. Некто решается на подвиг, зная, что идет почти на верную гибель. Возможны ситуации, когда спасает интуиция и мужество. Но во многих случаях подвиг совмещается с жертвой. Агрессивность обладания совсем иного рода. Она основана на понимании недостатков другого политического субъекта и использования их для его подчинения. Она имеет рациональный характер, при этом разум используется для осуществления желания обладания другим субъектом. Высшее проявление разума в этом случае состоит в том, что подчиненный политический субъект даже не осознает своего порабощения. Более того, господство другого считается проявлением милосердия. Он не осознает, что становится объектом агрессии, а ее отдельные акты рассматривает как жесты признательности. Между тем как такая агрессия есть проявление разумности агрессивного политического субъекта, а ее цель – упрочение своего благосостояния за счет использования другого в качестве вещи.

Плюрализм – это равенство противоположных точек зрения, но для того, чтобы они были импульсом для созидания, необходимо утверждения единственно правильной. Иллюзорность продуктивности плюрализма становится очевидной при условии его тотальности. Если истину отстаивает меньшинство, она не может установиться как правдоподобная. Возможна также ситуация, когда правдоподобной не может стать ни одна из точек зрения, поскольку ни одна не может утвердиться. В результате наступает неопределенность, которая и является главной предпосылкой для ослабления политического субъекта. Неуправляемый изнутри, такой политический субъект становится руководимым извне, то есть превращается в «легкую добычу», которую можно использовать в своих целях. Поэтому плюрализм становится причиной поглощения политического субъекта. Иная ситуация, когда плюрализм основан на наличии полярной противоположности, при этом каждая из сторон достаточно сильна, чтобы отстоять правильность своей точки зрения. Только в этом случае плюрализм оказывается условием позитивных преобразований, а негативный исход невозможен, поскольку оппонент в состоянии противостоять деструктивному влиянию. Противовес оказывается инструментом продуцирования позитивных преобразований, поскольку только он вынуждает принимать позитивное как единственно необходимое. Тем самым противостояние является формой утверждения совершенства политического субъекта. Однако остается открытым вопрос, где проходят границы позитивности, и в чем собственно она состоит, то есть, позитивность нуждается в определении по отношению к принципам гуманизма.

Равенство. Сразу же отбросим тотальное равенство, поскольку оно требует полной одинаковости в распределение, что приводит к несправедливости. Относительное равенство может заключаться в том, что каждый имеет равные права при обсуждении положения дел, соответственно его голос имеет абсолютную ценность. Но и в этом случае равенство находится под угрозой, поскольку оно противостоит желанию господствовать. Именно об этой угрозе говорится в диалоге Платона «Апология Сократа» [6]. Сократ был вынужден защищать равенство себя как гражданина, то есть своего голоса с голосами господствующих. Если бы речь Сократа на суде была фрагментом обыкновенного диалога, то, безусловно, он бы был признан победителем, поскольку голоса участников абсолютно равны по своей весомости. Но это был суд, который происходил на арене желаний властвовать, в котором господствует требование быть правым вопреки любым аргументам. Это желание большинства, которое не может черпать господство в истине, поскольку обладание истиной – преимущество избранных. Большинство стремится утвердить себя как полноценное и самодостаточное только на уровне всеобщности желаний господства. Равенство субъективности на суде над Сократом восторжествовало, и иначе не могло быть. Принцип равенства при этом был соблюден. В голосовании утвердилось равенство всех с гением Сократа. Равенство, как становится ясным на примере суда над Сократом, не терпит исключительности. Приговор – это и есть торжество субъективности через отрицание уникальности. Равенство есть торжество безликости и взаимной соподчиненности. Поэтому равенство включает в себя утверждение всеобщности субъективности вне критерия истинности. Судебная процедура и есть формальное утверждение равенства, которое положено со стороны закона. Но данная положенность имеет внешний характер, поскольку реально она имеет свои корни в субъективности. Использование закона позволяет субъективности стать тотальной и утвердить равенство как исходный принцип социального осуществления. Итак, совершенно очевидно, что суд над Сократом является профанацией демократии.

Деление власти на законодательную, исполнительную и судебную. Их независимость не может быть абсолютной, поскольку отсутствие взаимосвязи между ветвями власти возможно только гипотетически. Исполнить можно только то, что установлено, но нечто установиться может только в процессе исполнения, поскольку только исполнимость показывает правильность установленного. Вне проверки на исполнимость установление может поставить субъекта на грань невозможного, то есть будет угрожать его самости. На этом основывается фактически любой диктаторский режим. Итак, деление властей на устанавливающее должное и исполнительную фактически не спасает от произвола субъективности. Другое соотношение – это устанавливающий и контролирующий (судебная власть). Проблема состоит в том, что установленное не полностью покрывает поверхность исполняемого. Соответственно остается довольно большая сфера, в которой контролирующий распоряжается по своему усмотрению. Следовательно, существуют предпосылки для субъективного проявления власти. Если в сфере установленного контролирующий проявляет себя только как наблюдающий и карающий, то в сфере неопределенного он может себя проявить и как присваивающий. Огромное богатство, которое находится в сфере неопределенности, завораживает и искушает своим блеском. Неопределенность установленного предполагает, что само установление оказывается фикцией, поскольку оно фиксирует только приблизительные контуры и границы должного. Поэтому контролирующий может по своему усмотрению передвинуть границы обладания в своих интересах.

Выборность институтов представительства. Несомненно, что избранный должен быть соразмерным масштабам политического субъекта, поэтому им может выступать только обладающий и умеющий распоряжаться властью, а избрание выступает свидетельством его признания. В результате избранный объявляется превосходящим многих других, и превращается в «его превосходительство». Он поднимается на такую высоту положения, что трудно различим для остальных. Избравшие его или остальные, находясь в отдалении и поэтому их голос не слышан. Высший слой оказывается за оградой своей избранности, которая делает их недостижимыми. Безусловно, недостижимость имеет условный характер, в какой-то мере она – фикция, некая фантазия избранного. Но в то же время для избранного – это поверхность существования, на которой он стремится удержаться. Это не так сложно, поскольку поверхность обладает жесткостью по причине исключительности избранных. Каждый, кто избран, задерживается на этой поверхности, так как стремится остаться там, используя любые средства. При этом избранный – это только образ, которому необходимо соответствовать. В этом случае имидж есть то, что скрывает подлинный облик избираемого, является покровом для его действий в целях своей субъективности. Достаточно создать имидж, который позволит быть самим собой только наедине с соратниками поверхности власти, которые и придают ей жесткость. Страх остаться вне поверхности все более отягощает его субъективность. В ней состоят истоки корпоративности власти, в ней же находятся истоки ее коррумпированности.

Участие в подготовке решений и их воплощении. В условиях демократии голос каждого должен быть принят во внимание при ведении дел. Мера привлечения будет производна от того, насколько представитель власти поделится своими полномочиями. Поэтому правильнее будет говорить не о привлечении, а о влиянии. Влияние будет зависеть от того, насколько указывающий добровольно подарит часть своих полномочий, а эта добровольность должна быть чем-либо определена. Тем более что возможна ситуация, когда указывающий будет привлекать для принятия решений предельно ограниченный круг лиц, что можно наблюдать при авторитаризме. Однако установление может быть связано с тем, что привлечение к принятию решений имеет характер видимости, которую создает устанавливающий. Тем более что всегда найдется тот, кто готов быть выше других и выступать со стороны видимости. Тогда привлеченность к принятию решений оказывается профанацией, однако она необходима, чтобы создать впечатление воплощение всеобщей воли. Эта мистификация не может быть дискредитирована, поскольку «выступающий от лица

таких, как и он простых людей» не может быть ни в чем обвинен. Он абсолютно бескорыстен, и по своему желанию репрезентирует политический субъект в целом. Кроме того, он имеет на это право, поскольку является лучшим среди себе подобных. Итак, привлечение к подготовке решений и их воплощению может быть мистификацией «лучшим среди равных простых людей». Но выявить эту мистификацию достаточно трудно. Но даже если она выявлена, то отсутствуют инструменты ее ограничения, поскольку такая репрезентация может иметь место. Тем самым привлечение становится формой подчинения тотальной субъективности, то есть только поверхностью.

Самоуправление. Править, значит стоять над делами, соответственно это означает быть вне конкретных дел, поскольку исполнение конкретного дела не позволяет увидеть его в целом. Не может продуктивно управлять тот, кто погружен в конкретное дело, поскольку как только оказывается вне его, то переступает границу своей компетентности. Позитивное значение самоуправления состоит в том, что оно позволяет усредненствовать среду существования. Как только самоуправление претендует на всеобщность, оно дискредитирует себя. При устройении реальности соучастие каждого является формой ограничения чрезмерности субъективности, которая корректируется всеобщими интересами. Только в этих границах самоуправление имеет целесообразность. Самоуправление ограничено непосредственным осуществлением субъекта, тем, что окружает его, и во что он непосредственно погружен. Сфера будущего оказывается ему неподвластной, только настоящее и его устроенность – сфера его влияния. Однако для конкретного субъекта устроенность имеет первостепенное значение.

Национальные интересы. Посредством осуществления интересов становится возможным существование политического субъекта. Особую сферу составляют национальные интересы, которые позволяют осуществиться политическому субъекту как целому. Поэтому национальные интересы имеют глобальный характер. Однако глобальность при этом не противоречит локальности, поскольку осуществление национальных интересов обусловлено интересами конкретного индивида, а устроенность в глобальном масштабе проецируется на локальный масштаб. Чем успешнее осуществляются национальные интересы, тем все больше возможностей открывается для индивида. Однако следует иметь в виду, что национальные интересы имеют тенденции перерастания в тотальное господство одного политического субъекта над другим. В этом случае осуществление интересов может приобретать характер агрессии от самой мягкой, такой как навязывание мнения, до самой жестокой, вплоть до уничтожения политического оппонента.

Итак, рассмотрение поверхностей демократии помогает понять, что провозглашение демократии как совокупности требований можно рассматривать только как грандиозную профанацию. В этом случае демократия выступает только в качестве аргумента в противостоянии политических субъектов, а требование «больше демократии» является средством экспансии. Совершенно очевидно, что ориентирование субъекта на поверхность является формой неполноценной социальной рефлексии. При демократии присутствует главенство субъективного как целого, и это означает, что предел определен пространством одного политического субъекта. В отношении между политическими субъектами демократия снимает себя, поскольку ее поверхность покрывает только каждого из них в отдельности. Нельзя рассматривать построение демократии как слияние поверхностей, поскольку это противоречит ее сущности. В свете выше сказанного высказывание: «Демократия должна быть построена» – несовместимо с истинностью. Строительство демократии может трактоваться только как строгая дизъюнкция, поскольку как власть народа может присутствовать или, наоборот, отсутствовать, третьего не дано. Напомним, что к проявлению власти может быть отнесено владение собственностью, правами, льготами и проч. Они есть у некоторого субъекта либо ими обладает кто-либо иной. Поэтому демократия не может быть построена: она либо есть, либо она отсутствует. Утверждение, что демократия строится, будет указывать на ее профанацию.

Источники и литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер. с англ., / Под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Зандкюлер Х.Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 25-40.
3. Карбочинський О. Тоталітаризм і демократія як відображення внутрішнього конфлікту людини // Філософська і соціологічна думка. – 1994. – № 11-12. – С.103–108.
4. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – 576 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 392 с.
6. Платон. Апология Сократа //Собрание сочинения: В 4 т. – М.: Мысль. – Т.1., 1990. – С. 70–96.
7. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004. – 384.

Деремедведь Е.Н.

«КРЫМСКИЕ» ТРАВЕЛОГИ АНГЛИЧАНОК КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.в. В КОНТЕКСТЕ ЖАНРА ПУТЕШЕСТВИЯ

Актуальность темы исследования. Женская литература путешествий содержит значительное количество сохранившихся до настоящего времени исторических источников, в число которых входят путевые очерки, дневники, письма и т.д. В них отражаются особенности женского восприятия мира, так называемый женский опыт, который в свете современных гендерных исследований требует нового прочтения и интерпретации женских текстов.

Английская литература путешествия, в том числе и женская, остается малоизученным культурным пространством в отечественном литературоведении, в котором недостаточно конкретизированы состав-